

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ БЕЛОЗЕРЬЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ТОПОНИМИИ

Географическая терминология составляет значительную группу апеллятивной лексики, дающей представление не только о географических, природных условиях края (особенностях рельефа, растительности, характере гидро-, лимно- и прочих объектов), но и о степени освоенности геоландшафта, о характере производственной деятельности человека в этих условиях. Географическая лексика с разной степенью вероятности позволяет определить этническую принадлежность дорусского населения местности.

В статье излагаются некоторые предварительные результаты анализа географической терминологии Белозерского края¹. Из лексики интересующей нас группы отобраны нерусские по происхождению слова². Вероятность существования нерусских лексических элементов подтверждают, во-первых, русская летопись, выделяющая древнюю весь на Белом озере как население, непосредственно предшествовавшее русскому³, во-вторых, современные источники, указывающие на проживание вепсов в крайне западных районах Вологодской области⁴.

Нами выделено 130 нерусских по происхождению географических терминов. В плане соотнесенности с языком-источником заимствования они распределяются следующим образом. Русских диалектных лексем прибалтийско-финского происхождения 70.

Ожидаемый вепсский компонент среди этих терминов незначителен (10) и, как правило, не является определенно дифференцирующим. Все слова, включенные в эту группу, имеют по ряду причин не очень убедительные этимологии из вепсского языка: *бўкля*, *букля* — речной или озерный залив (Белоз, Вашк, Вытег, Кирил), низкий берег реки, затопляемый весной (Белоз, Вашк, Кирил); низкое сырое место по краю болота (Белоз); глубокое место, яма в озере или реке; омут (Белоз, Вашк, Вы-

¹ Так условно называется территория бывшего Белозерского княжества, находившегося в западной части Вологодской области вокруг Белого озера. См. об этом: *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, с. 6—8.

² Источником являются полевые материалы, собранные участниками Севернорусской топонимической экспедиции в 1967—1981 гг.

³ ПСРЛ, т. 1, с. 75.

⁴ Административно-территориальное деление Вологодской области. Вологда, 1974; а также данные СТО.

тег) — можно сопоставлять с вепс. *bukl'* «водоворот» (СВЯ, 50), если это не заимствование из русского; *ка́ра*, *кара́*, *ко́ра* — озерный или речной залив (Вожег, Вытег); низкое заболоченное место; трясина (Вашк, Вожег, Вытег) — можно возвести к вепс. *kar(a)* «небольшой залив, бухта» (СВЯ, 179; OFLR, 104), если это опять же не русское заимствование; *кјеса* — мелкий густой ельник; густой лес, чаща (Вытег) — интерпретируется из вепс. *kiјо* «еловая чаща» (СВЯ, 241), но неясным остается -с-, появление которого и на русской почве объяснить трудно (чудо — чудеса?); *ло́да* — мелкое каменистое место на озере, реке (Вашк, Вожег, Вытег, Кирил); каменистая пашня (Вожег) — хорошо отражает вепсский вокализм (ср. вепс. *lod* «подводная скала, каменистый островок, отмель» (SKES II, 313), однако вторичное значение «каменистая пашня» более широко представлено в огласовке *луда*, и тогда вепсские данные не являются дифференцирующими.

Вепско-карельских заимствований также немного, и они, как правило, комментируются тоже неоднозначно: *ко́рба* — низкое, сырое, заболоченное место (Бабаев, Белоз, Вашк, Вытег, Карг); топкое, труднопроходимое место на болоте; болото, поросшее мхом, мелким кустарником (Бабаев, Белоз, Вашк, Вытег); густой мелкий лес на болоте (Бабаев, Белоз); завалы в лесу, бурелом (Бабаев) — считают карельско-вепсским заимствованием (Погодин, 32; Лесков, 100; OFLR, 128; Фасмер II, 322): карел-ливв. *korbi*, люд. *korb*, *korbi*, *korbi'* «глухой лес, глушь; сырой еловый лес», вепс. *korb* «густой темный лес, сырая чаща, глушь» (SKES II, 219); *о́рга* — ложбина, овраг (Вытег); грязное, сырое, заболоченное место в лесу (Вытег) — отражает карельско-вепсский консонантизм (ср. карел. *orgo* «поросший сосновым лесом прибрежный луг», ливв. *orgo* «ущелье между двумя хребтами», люд., вепс. *org* «овраг, низина» — SKES III, 438), но, с одной стороны, карельско-вепсский консонантизм обнаруживаем и в эст. *org* «долина», а с другой — известно карел. *orko* «сырая, поросшая ельником долина, низина» с консонантной группой, тождественной фин. *orko* «сырая долина, низина» (там же); *се́льга* — островок леса в болоте; сухое возвышенное место на болоте (Вытег); болотистое место в лесу (Вытег) — Я. Калима сопоставляет с карел. *selgũ*, *selgã*, вепс. *sel'g* «спина, кряж, горный хребет» (OFLR, 215). Этимологический словарь финского языка, однако, не дает вепсских параллелей (см. SKES IV, 995—996).

К дифференцирующим карельским лексемам отнесены: *ко́рга* — мель; каменистый отлогий берег (Кирил) — сопоставляют с карел. *orgo* «подводная скала, камень, мель» (OFLR, 129; Фасмер II, 323; SKES II, 219); *ла́мбушка* — маленькое озерко (Вашк) — отражает карельский консонантизм: карел-ливв. *lambi*, люд. *lamb*, *lambi* «пруд, озерко, заводь» (OFLR, 149; Фасмер

II, 455; SKES II, 273); *ра́йда* — место в лесу, заросшее ивняком (Белоз) — можно сопоставить с карел. *raida* «ива» (OFLR, 195), хотя эстонский язык дает ту же консонантную группу (ср. эст. *raid* «болотная ива»); *ре́йма* — топкое место с лесом на болоте (Вашк, Кирил); болото (Вашк); мелкий редкий лес (Вашк, Карг, Кирил) — в отличие от белозерского *рям*, *р́яма* с явным финским вокализмом (ср. фин. *räme* «болото, поросшее мхом» — OFLR, 210), ближе к карельским данным (ср. карел. *rieme* «болото, поросшее лесом» — там же); *та́йбала*, *та́йбола*, *та́йбало*, *та́йболо* — дальний лес (Вашк, Кирил); густой дремучий лес (Белоз, Вашк, Кирил); топкое болото (Вытег, Кирил) — сопоставляется с карел. *taibale* «перешеек» (OFLR, 223; Фасмер II, IV).

Терминов, интерпретируемых из прибалтийско-финских или саамского языков, выделено 12, см., например: *ка́ргач* — заросшее травой место на озере; заболоченный, заросший травой берег озера (Вашк, Вожег) — сопоставляют с фин. *kaarkema* «болото» или саам. *kargo* «холм, пригорок, расположенный в болотистом месте» (OFLR, 105; Фасмер II, 196; SKES I, 135); *ки́ка* — полянка в лесу (Вожег) — можно возвести к фин. *kika* «ком снега», *kikale* «маленький комок или ком», эст. диал. *kigal*, род. -*la* «маленький кусок, кусочек» или саам. швед. *tjikka*, лул. *tjahke*,

норв. *śakke* «ком снега» (SKES I, 193); *лу́хта* в значениях «заливной луг» (Белоз, Вытег), «низкое заболоченное место» (Белоз, Вытег, Карг), «топкое болото» (Бабаев, Белоз, Карг), «окно в болоте» (Белоз), «большая лужа» (Белоз) интерпретируется из прибалтийско-финских языков (ср. фин. *luhta* «заливной луг», карел. *luhta* «прибрежный луг», ливв. *luhtu* «озерко, лужа», люд. *luht*, *luhte* «лужа, грязь; заливной луг», эст. *luht* «прибрежный луг»), так как саам. ин. *luhta* «заливной луг», норв. *luk'te*, *luk'ta*, *lut'ta* «осока» являются заимствованиями из прибалтийско-финских языков (SKES II, 306). Однако белозерское *лу́хта* — речной залив (Вытег) — является саамизмом (ср. саам. патс. *luḡt̪i̯ä*, нот. *luoḡt̪i̯ä*, кильд. *lūḡt̪(A)*, йок. *līḡt̪(A)*, норв. *luokt̪i̯ä* «залив, бухта» — KKS, 224; LLR, 54); *ни́чуга* — хвойный лес на болоте (Белоз) — этимологически сопоставляется с саам. швед.

petse, вефс. *bie^o tsie*, лул. *pieht̪se*, *paht̪se*, норв. *boesce*, ин. *peeci*, колт. *pieḡt̪ts̪E*, кильд. *pieḡt̪ts̪E*, йок. *pieḡt̪se* «сосна» (SKES, 534),

хотя нельзя не учитывать и прибалтийско-финских параллелей (ср. фин. *petäjä*, карел. *petäjä*, *pedäjä*, *ped'aja*, ливв. *petai*, *pedai*, люд. *pedai*, *-ai*, вепс. *p'edai*, *pedei*, вод. *petaja*, *petaje* «сосна» (там же).

Собственно саамских по происхождению лексических элемен-

тов выделено 4. Этимологии некоторых (*ня́ша, чо́лма, лу́хта*) общеприняты, толкования других спорны, например, *кондаша* — песчаная местность (Кадуй) сопоставляют с саам. кильд. **kandte*, нот. *kadte*, норв. *kanjt* «высокая ровная гора» (LLR, 51; Фасмер II, 180) или с саам. патс. *koDD^E*, кильд. *ko_int*, йок. *koṇ^aṭe* «местность, округ» (KKS, 139). При любой интерпретации необъясненным остается *-и-*.

Значительную часть (44) составляют географические термины, этимологии которых неубедительны (*войндыйк, ку́лга, лизма, лйчма* и др.) или вообще отсутствуют (*бурда, вельга, курпа́га, курта́га, оманга, пы́жа, сюмеля́тка, ся́тра, танар, та́нга* и др.).

В плане распространения на определенной территории выделены, во-первых, термины с широкой географией, т. е. известные не только говорам севера европейской части СССР, это *едома, корга, кулига, курья, лы́ва, няша, рям, трунда, тундра, согра, шогра, янга*. Три из них широко бытуют в Белозерье (*кулига, лы́ва, шогра*), остальные девять зафиксированы только на крайнем северо-востоке региона — в каргопольских и вожегодских говорах.

Во-вторых, в отдельную группу выделены термины, известные не только белозерским, но и другим говорам русского Севера. Здесь, с одной стороны, оказались апеллятивы с достаточно широкой географией, т. е. зафиксированные в Архангельской, Вологодской, Костромской, Ленинградской областях, в русских говорах Карелии (*букля, букля́, вельга, кальга, канабренник, ка́ра, ка́ргач, ко́рба, кую́кола, курга́н, курда́н, круга́н, курпа́га, ла́мбина, ла́хта, ло́да, лу́да, лу́хта, мя́нда, о́рга, па́вма, па́вна, па́лма, пе́ндус, пи́вка, пи́жка, ра́йда, се́льга, та́йбола, у́йта, чо́лма, чу́па, ша́йма*), а с другой — термины, известные за пределами Белозерского края лишь в одном-двух районах (*бурда, касара́га, куге́ра, ло́хта, мо́рда, ро́поть, са́вма, са́лма, са́йма, со́рга, суге́ра, тяпи́ш, у́йма*).

В-третьих, особую группу образуют термины, бытующие только в Белозерье. Набор их достаточно велик и разнообразен (*во́йндык, воюндю́к, кивес, кивис, кика, ко́ндаша, ко́ра, кю́са, кую́нка, кую́рба, курба́шина, курби́на, курны́шка, ли́га, лы́га, лизма, мегло́вник, му́рда, мурда́, ны́лега, обричек, оманга, пичу́га, пы́жа, са́ричек, сюмеля́тка, ся́тра, то́виша, то́ица, у́редь, ча́пиша, чи́рок, чо́рдак, ша́шера, шо́га, шо́рга, чирь, я́гровица, я́нда, я́нцера*), но зафиксированы они, как правило, в одном из районов. Исключение в этом плане составляют *лизьма* (Вашк. Вытег), *по́хта* (Белоз. Вашк), *ре́йма* (Вашк. Кирил).

По природным условиям Белозерье — лесистый, болотистый, озерный, богатый реками край с довольно ровной поверхностью⁵. По этой причине семантический набор географических

⁵ См.: Копанев А. И. История землевладения Белозерского края..., с. 8—13.

терминов достаточно узок. В целом ровная (только в восточной части несколько холмистая) местность предопределила отсутствие терминов, характеризующих положительный горный рельеф края (горки, холмы, возвышенности и т. д.), в то время как для обозначения ям на дороге, в лесу, болоте, озере, реке и т. д. существуют апеллятивы *кальга, кивес, кугра, кулига, курган, курпага, куртага, курье, лыга, лыва, лухта, морда, обричек, орга, сюмелятка, тоица, туран, яромина*. Географических апеллятивов, называющих гидро- и лимнообъекты края, достаточно много. Так, для обозначения болота зафиксировано 19 терминов, которые в большинстве случаев не обнаруживают существенных отличий в семантике. Топкое болото называют *кара, кугра, лыва, похта, тайболо, шайма*; болото, заросшее мхом и кустарником — *корба, лизма, лычма, лухта, мянда, рейма, согра, ухта, шашера*; чистое болото — *вельга, оманга*; сухое болото — *павна, янга*.

Зафиксировано 12 названий речных или озерных заливов (*букля, кара, кора, кулига, курья, лахта, лохта, лухта, сятра, уйта, чупа*), название пролива — *чолма*; заросший водоем называют *каргач, курбина, лыва, похта, сорга*; обозначены глубокие места водоемов (*курган, курдан, танар, янда*) и мели, отдельные камни в реке (*войндык, корга, лода, луда, пенда, саричек, чирок, чура, шора*); существуют термины для обозначения дна водоемов: топкого, вязкого (*морда, мурда, мурда*), каменистого (*чора*); важным оказывается и характер берега: заболоченный (*бурда, каргач, лыва, лухта, похта, ровга*), высокий (*едома*), низкий (*сятра*), каменистый (*луда*), обрывистый (*уредь*).

Для обозначения местности в целом существует термин *кулига* «удаленная местность», в то время как для отдельных участков зафиксированы многочисленные названия. Для низкой, достаточно заболоченной местности, какой является Белозерье, естественна разветвленная система обозначений сырых, заболоченных, труднопроходимых мест (*букля, вельга, корба, кугра, курбать, курбина, лахта, лохта, лига, лизма, лыва, лухта, мянда, няша, орга, павма, палма, пенус, похта, рейма, ряма, ропоть, сельга, согра, сугра, тайбола, трунда, ухта, чапша, чупа, шогра, шорга, шуэры, ягровица, янцера*), сухие же места обозначены тремя терминами (*куртина, мянда, савма*).

Можно выделить также группу географических терминов, возникновение которых связано непосредственно с производственной деятельностью человека, это названия сенокосных участков (*кулига, курбашина*), заливных лугов (*букля, курья, лухта*).

Лесной массив края был достаточно богатым, но не везде в равной мере. По данным писцовых книг мы узнаем, что рядом с относительно безлесными волостями были волости, богатые лесом. В некоторых из них лес занимал огромные пространства, например, в волости Иванов Борок 96,8 % всей площади было

покрыто лесом, в западной части края на р. Суде — 89,8 %⁶. Отсюда столь разнообразна «лесная» терминология, где наряду с обозначением вида леса (*мегловник* «лиственный лес», *мяндач* «сосновый лес», *куеса* «мелкий густой ельник») присутствует его качественная характеристика: плохой лес называют *касарага*, *пашийник*, *пичуга*; мелкий, густой, труднопроходимый лес — *корба*, *кукола*, *пивка*, *рапачажник*, *чабаражник*, *уйма*; густой темный лес — *тайбола*; небольшой лесок — *раяга*; островок леса — *чирь* и т. д.

Предварительная семантическая группировка материала иллюстрирует наличие в говорах Белозерья большого количества синонимов, появление которых можно объяснить, во-первых, заимствованием лексем из разных языков, во-вторых, одновременным заимствованием, в-третьих, неточностями в полевых записях, не отражающих в полной мере все нюансы в характеристике описываемого объекта или явления.

Для географической терминологии Белозерья характерны различные типы варьирования.

Прежде всего нужно отметить наличие акцентологических вариантов, ср. *бўкля* — *букля́*, *ка́льга* — *кальга́*, *ка́ра* — *кара́*, *ку́рбатъ* — *курба́ть*, *ла́хта* — *лахта́*, *ло́хта* — *лохта́*, *лу́да* — *луда́*, *му́рда* — *мурда́* и др. Возникновение их, видимо, нужно объяснять на русской почве. Как отмечает А. И. Попов, в двусложных (все наши примеры таковы) заимствованных словах в связи с отсутствием внутренней формы ударение часто переходит на последний слог⁷. Ударяемый конечный гласный обнаруживаем и в некоррелирующих лексемах: *пакша́*, *чирва́*, *чора́*, *чура́*, *сорга́* и др.

Если акцентологическое варьирование однородно (только в двусложных словах), то фонетические варианты довольно многообразны. Причины этого, по всей вероятности, различны, но далеко не всегда объяснимы.

Звуковые параллели могут возникать потому, что языки-источники заимствования различны, например, *лода* (ср. вепс *lod*) — *луда* (ср. карел. *luodo*, ливв. *luodo*, фин. *luoto*)⁸, *рейма* (ср. карел. *rieme*) — *ряма* (ср. фин. *räme*), ср. еще *павма* — *павна* — *палма*, *пенда* — *пендус* — *пентус*, *согра* — *шогра* и др.

Фонетические варианты могут отражать неодновременность заимствования. Так, географическая терминология Белозерья

⁶ См.: *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края..., с. 11.

⁷ *Попов А. И.* Следы времен минувших. Л., 1981.

⁸ Географические апеллятивы Белозерья дают достаточно много примеров на соответствие *о ~ у* (ср. *корба* — *курбина*, *морда* — *мурда*, *похта* — *пухта*, *согра* — *сугра*, *чора* — *чура*, *шогра* — *шугра*), объяснять которое можно неоднозначно: это может быть переход *о > у*, обусловленный большей лабилизацией *о* (такой характер *о* известен русским говорам), это может быть и народноэтимологическое переосмысление термина (*морда* — географический термин, ср. *морда* — ловушка для рыбы).

дает примеры известных фонетических соответствий $a \sim o$ ⁹ (*кара — кора, лахта — лохта*), $c \sim ш$ (*согра — шогра*).

Фонетическое варьирование может отражать различные фонетические процессы (ассимиляция, диссимиляция, метатеза и др.) русского языка или языка-источника, ср. *курган — курдан, палма — павма, ровга — ровда, согра — сорга, янга — янда, яморина — яромина* и др.).

Фонетическое варьирование может возникать и на русской почве, например, в результате народной этимологии (*круган — курган*), нечеткого произношения безударных гласных (*кивес — кивис*), наличия в говорах у-неслогового, произносящегося на месте *л* или *в* (*салма — саума — савма*).

Заемствованная географическая терминология в целом оформлена в соответствии с нормами русского языка. Во-первых, все существительные грамматически отнесены к определенному роду, однако в Белозерье есть случаи, отражающие известное говорам стремление к смысловому согласованию в роде (ср., например, *буклѣ* «глубокое место в реке», *тайбол* «труднопроходимый лес», *тайболо* «место со смешанным лесом»), хотя и недостаточно последовательное.

Во-вторых, для нерусских по происхождению терминов характерна разветвленная аффиксация, что свидетельствует о полном усвоении этого разряда лексики русским языком: *букля — бушлишка — буколька, вельга — велижка — вельжина, кара — каровина — карочка, круган — круганчик, куртага — куртажка, лахта — лахтина, лохта — лохточка, лыва — лывина — лывка — залывина — залывок, мяндач — мяндачина — мяндовина, орга — орговина, пакша — пакшинник, райда — райдовина — райдина — райдовник* и др. Однако выделяется ряд словообразовательных элементов субстратного происхождения: *-ч* (*каргач, мяндач, тукач*), *-с* (*пендус, ропас*), *-ла* (*кукола*).

В топонимии Белозерья отражено менее половины географических терминов региона (57). Большинство топонимов такого типа, вероятно, русского происхождения, так как в них зафиксирован известный местным говорам географический апеллятив, ср. *Буклѣ*, пок., *Букля*, ур., пок., бол., *Букля*, зал., бол., ур., пашня, *Вельга*, бол., пож., *Войндук*, гряда, *Едома*, с., пуст., *Кара*, тоня, *Каргач*, д., оз., мель, *Кивис*, яма, *Корба*, р., бол., поле, *Курье*, бол., *Курья*, *Курья*, пуст., пок., *Лáхта*, *Лáхта*, зал., пок., *Лохта*, зал., д., бол., *Личма*, о., *Луда*, лес, *Лухта*, бол., пок., *Мендач*, пок., *Орга*, лес, бол., поляна, *Похта*, оз., бол., *Раяк*, *Раяка*, ур., *Рейма*, бол., *Ряма*, бол., *Сора*, р., *Сельга*, мыс, *Чура*, руч., *Чура*, г. и др. Несубстратное происхождение подобных названий подтверждают в какой-то мере образования с русской аффикса-

⁹ См.: Матвеев А. К. Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимике русского Севера.— Сов. финно-угроведение, 1968, № 2, с. 121.

цией (*Корбово*, зал., *Лахотка*, *Лахотное*, пок., *Лахтинское*, бол., *Залохта*, ур., *Залывная*, д., *Залывье*, пок., *Миндашное*, бол., *Запохотье*, д., *Сорица*, р., пок., *Сорка*, р., *Ухтомское*, оз., *Шаемка*, ур., *Ягрышонка*, р.), в форме множественного числа (*Кукки*, г., *Кулиги*, бол., *Райдовихи*, поле, *Савмы*, лес, *Чолмы*, пролив, *Шаймы*, поле), а также многочисленные топонимы-словосочетания с терминами *букля* (*Бахтузовская Букля*, *Большедворская Букля*, *Волоковая Букля*, *Горская Букля* и многие другие), *вельга* (*Аксёнова Вельга*, *Питерские Вельги*), *лохта* (*Варежная Лохта*, *Калмыковская Лохта*, *Назаровская Лохта* и др.), *кара* (*Барская Кара*, *Берецкая Кара*, *Большая Кара*, *Борковская Кара* и многие другие), *лода* (*Большая Лода*, *Горочная Лода*), *луда* (*Кябеловская Луда*, *Манина Луда*, *Машкажская Луда*, *Нечамысская Луда*), *лухта* (*Борисовская Лухта*, *Дальняя Лухта*, *Лухтинская Лухта* и др.), *личма* (*Попова Личма*), *похта* (*Ужельская Похта*) и др. Вероятно, русскими по происхождению нужно считать словосложения типа *Станкара*, *Рыблахта*, *Ступолохта*, *Топтосельга*.

Однако далеко не все топонимы возникли на русской почве. Так, явно субстратного происхождения названия, в которых географический термин выступает в качестве детерминатива (*Леутокара*, *Куйкара*, *Лихкара*, *Пойкара*, *Хапкара*, *Лупкорга*, *Кормолахта*, *Лахмалахта*, *Юрлахта*, *Куколохта*, *Кумолохта*, *Чикалуда*, *Шеймыслуда*, *Сампохта*, *Перпохта*, *Кумсара*, *Сомсора*, *Укосельга*, *Косельга*, *Котосельга* и многие другие) или в качестве основы с субстратным термином (*Каргободь*, *Кивлода*, *Кивой*, *Кивуй*, *Ламбас*, *Ламбой*, *Ламбояр*, *Пыжемень*, *Чолмосора*, *Чомбал* (< *Чолбал*), *Шаймасолово*, *Янгосолово* и др.), топонимы с русским географическим термином, но иноязычной основой, так называемые «гибридные» (*Кивмыс*, *Корбозеро*, *Ламбаболото*, *Лухтозеро*, *Мурдозеро*, *Мянболото* (< *Мяндболото*), *Салмох* (< *Салммох*), *Сарозеро*, *Уйтозеро*, *Ухтозеро*, *Чомболото*, *Чомбор* (< *Чолмболото*, *Чолмбор*), *Шаймозеро*, *Янгручей* и др.)

Субстратного происхождения могут оказаться простые топонимы, сопоставимые с географическими терминами, но в иной огласовке: *Лызма* (ср. белоз. *лизма*), *Мурга* (*мурда*), или с аффиксацией, не объяснимой на русской почве: *Кивика*, *Лухтонга*, *Едомга*, *Сельгама*, *Ягрема*, *Корбалыш*, *Ягрыш* и др.